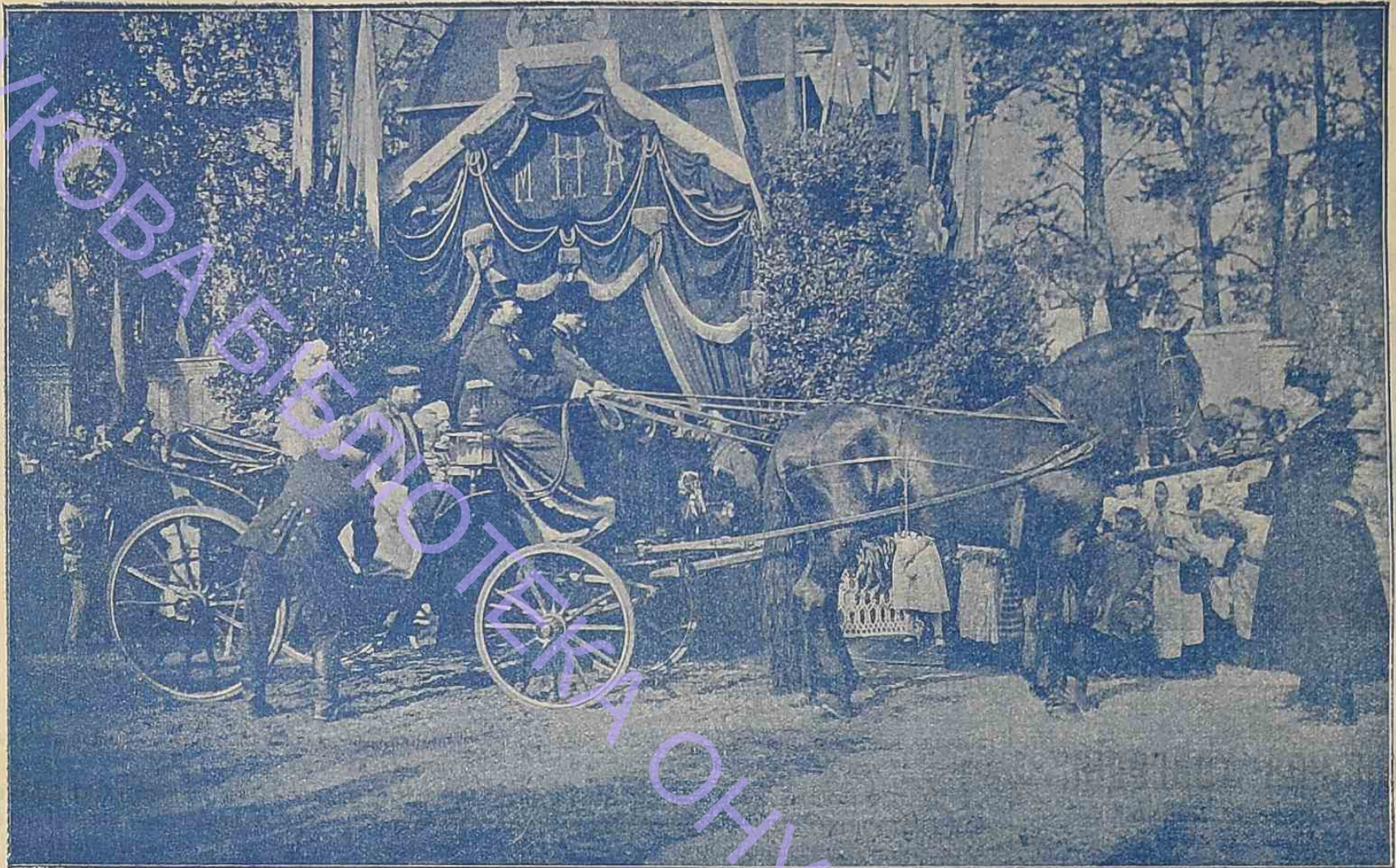

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

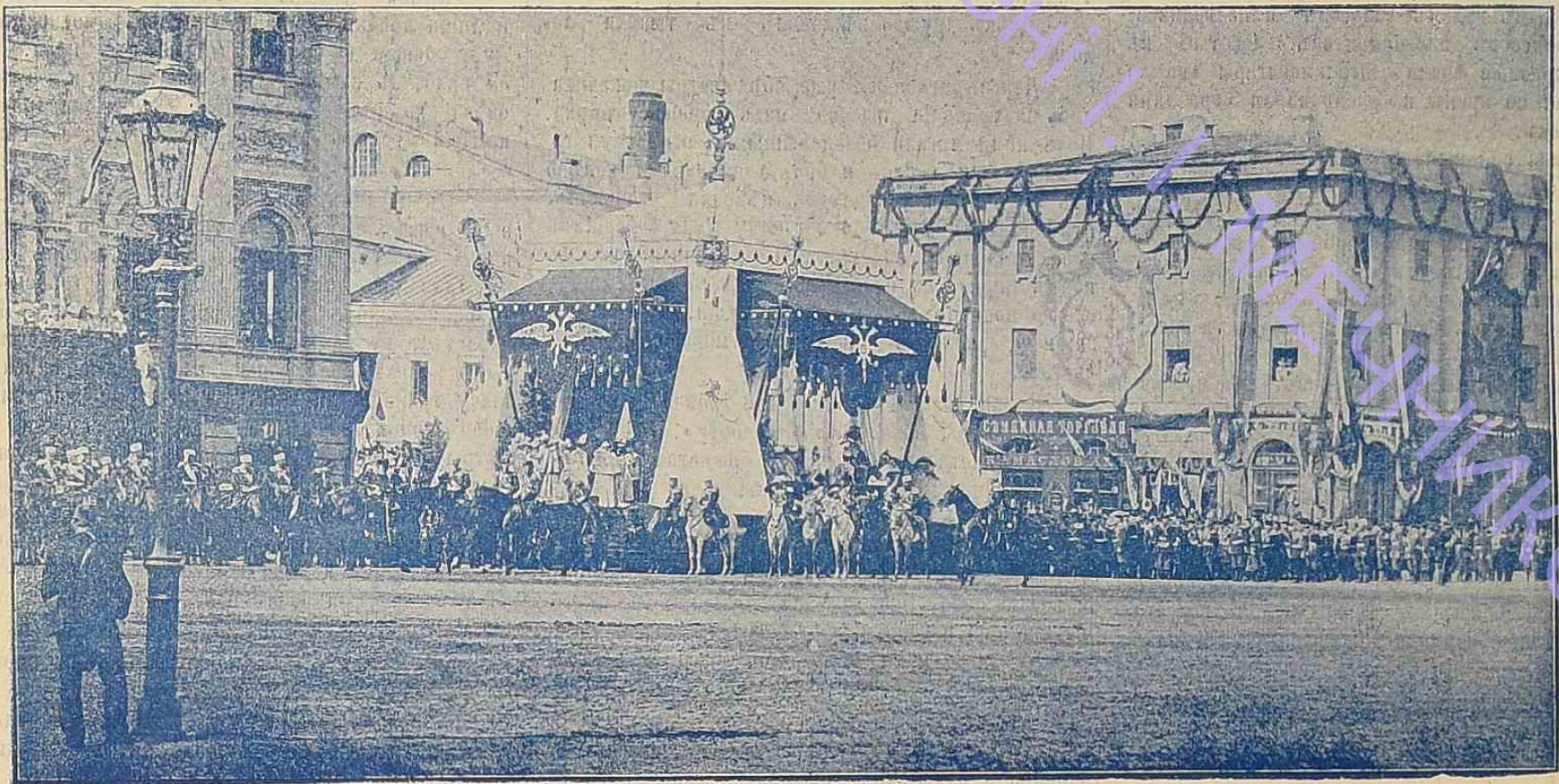
№ 4385.

Воскресенье, 30го Августа, 1898 г.

№ 4385.

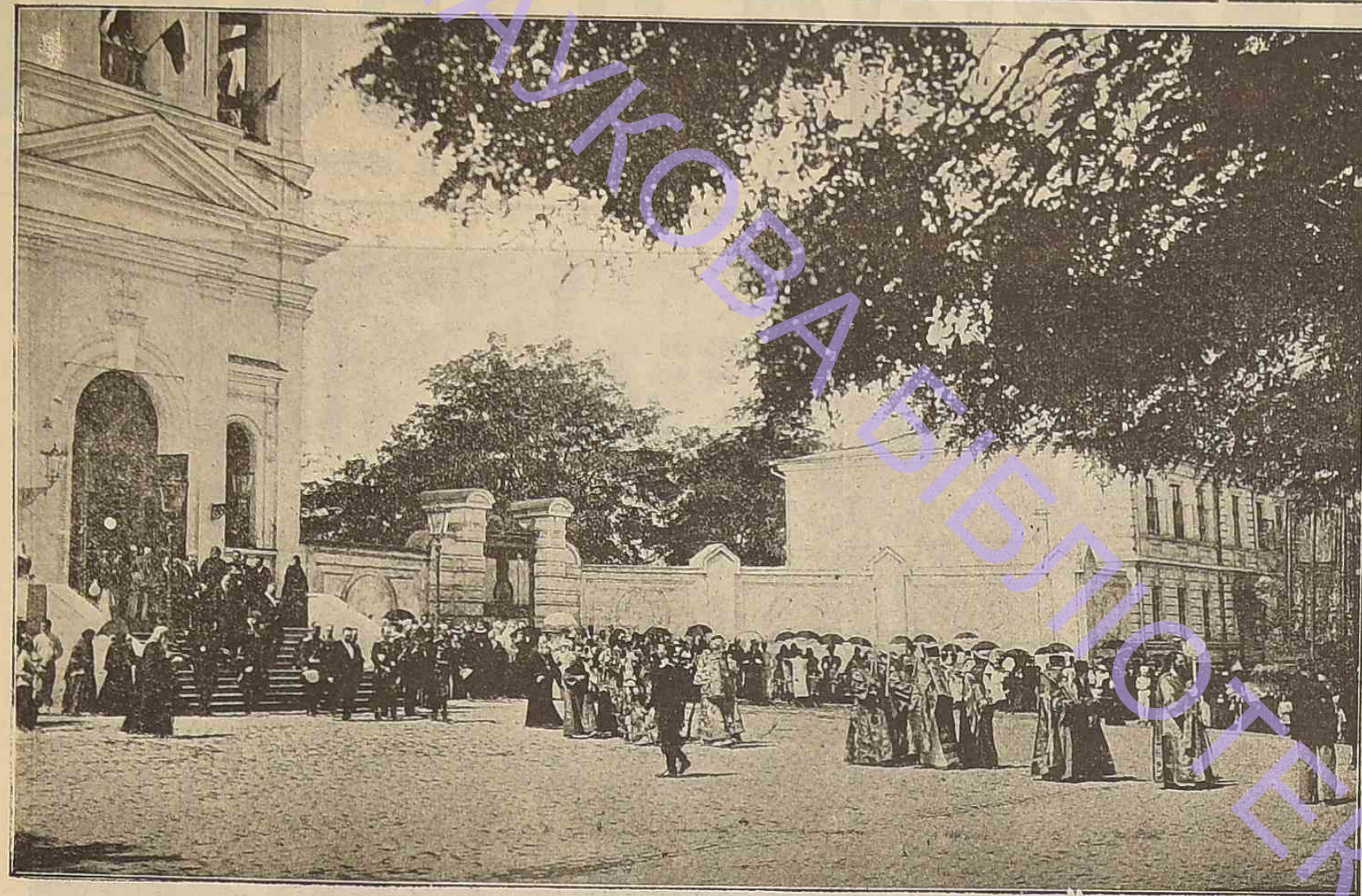

Московскія торжества. — Приѣздъ Ихъ Императорскихъ Величествъ къ мѣсту закладки музея изящныхъ искусствъ Имени Императора Александра III.

Московскія торжества. — Высочайшій смотръ войскамъ на Театральной площади. — У Царской палатки.
Съ фотографіи Мебіуса въ Москвѣ.

Автотипія „Одес. Нов.“

Крестный ходъ въ годовщину основанія Одессы.—У Михайловскаго монастыря.

Маленькая трагедія.

Новелла Германа Дюпона.

Большой антрактъ кончился.

Тысячелюдная толпа зрителей шумными волнами хлынула назадъ изъ корридоръ и фойе въ громадную залу цирка. Черезъ всю его арену была уже протянута сѣтка, и поскрипывающіе придерживавшіе сѣтку канаты смѣшивались съ нестройнымъ гуломъ голосовъ и настраиваемыхъ въ оркестръ инструментовъ. Одѣтые въ нарядные красивые фраки штальмейстеры важно расхаживали по аренѣ и расправляли граблями бѣлый песокъ.

Раздался сильный, рѣзкій звонокъ. Инструменты въ оркестрѣ замолкли, зрители притихли и взялись за бинокли; штальмейстеры выстроились въ два ряда по обѣ стороны входа на арену, а сзади нихъ въ узкомъ проходѣ къ уборнымъ и конюшнямъ стояли цирковые кабінетъ въ блестящихъ военныхъ мундирахъ и изящныхъ smoking-хъ.

Звонкомъ прозвенѣлъ еще разъ. На мгновение все стихло, и вслѣдъ затѣмъ оркестръ заигралъ вальсъ. Подъ его веселые звуки тяжелый темный занавѣсъ раздался, и въ проходѣ показались двѣ граціозныя женскія фигурки въ свѣтло-зеленомъ трико и въ солоныя затканыхъ серебромъ корсажикахъ. Одна—блондинка, съ искренне улыбающимся хорошенькимъ личикомъ беззаботнаго ребенка, съ пѣшными, только что распустившимися формами Нейхеп, другая—силая брюнетка, немного старше, съ энергичнымъ и строгимъ серьезнымъ лицомъ.

Это были Лулу и Лоло, знаменитыя «дочери воздуха», выступавшія въ здѣшнемъ циркѣ въ первый разъ.

Съ галереи раздались аплодисменты; всѣ бинокли впились своими большими стеклышками

глазами въ красивыя фигурки въ зеленомъ трико.

Легко и граціозно, быстро стрѣла, поднялась хорошенькая Лулу съ золотистой головкой по канату, который спускался съ одного изъ желѣзныхъ перелетовъ цирковаго свода, и всѣ бинокли поткнулись вмѣстѣ съ нею кверху. Правой рукою схватилась она за стальную палку трапеціи и, сдѣлавъ красивое, смѣлое движеніе своимъ молодымъ гибкимъ тѣломъ, сѣла на трапецію.

Циркъ дружно захопалъ въ тысячи ладошей.

Черезъ мгновеніе уже обѣ сестры покачивались на трапеціи высоко надъ ареной цирка. Подъ ними мигали безчисленными огоньками газовые рожки люстръ и бра, а направо и нѣлѣво отъ нихъ бѣжали еще двѣ цѣпочки огоньковъ, отмѣчая тотъ путь, по которому Лулу совершить свой отчаянный подвѣтъ. Въ противоположномъ концѣ цирка, на одинаковой высотѣ съ ними, слегка покачивалась другая трапеція, а сейчасъ за нею, немного ниже, неподвижно повисли мостики.

Звукъ вальса дѣлался все громче и быстрее, и сестры начали свою «работу». Блондинка Лулу—олицетвореніе граціи, брюнетка Лоло—олицетвореніе силы; ея мускулы точно изъ стали. Одна какъ нельзя лучше дополняла другую, и обѣ онѣ составляли совершеннѣйшее гимнастическое цѣлое. То, что онѣ предъпринимаютъ, не всегда ново, но кажется публикѣ чѣмъ-то никогда еще невиданнымъ, необычайнымъ: такъ красиво, легко и смѣло исполняютъ Лулу и Лоло свои номера.

И каждый разъ, когда сестры, сдѣлавъ какой нибудь трудный «trick», садятся опять на трапецію и начинаютъ вытирать свои руки и лица, снизу доносится до нихъ цѣлый громъ одобреній, и Лулу весело улыбается своимъ хо-

рошенькимъ личикомъ подъ пышно-взбитыми золотыми кудрями.

Лулу прыгнула къ себѣ веревкой противоположную трапецію и перелѣзла на ней черезъ весь циркъ, къ мосткамъ; а Лоло повисла на своей трапеціи головою внизъ, придерживаясь за стальную палку колынами.

Музыка затихла, толпа зрителей замерла въ болѣзненно оживленіи. Всѣ глаза напряженно смотрятъ вверхъ, нульсъ бьется учащенно.

Крѣпко держась обѣими руками за трапецію и лишь кончиками ногъ касаясь подмостковъ, Лулу дошла до самаго задняго ихъ края. Все ея тѣло, съ вытянутыми къ трапеціи руками, образуетъ одну наклонную линію; напряженъ каждый мускулъ этого стройнаго, гибкаго тѣла.

— Готово!

Съ легкимъ крикомъ перелѣзла Лулу, все еще держась руками за трапецію, изъ одного конца громаднаго цирка въ другой, потомъ опять къ трапеціи Лоло,—и выпустила трапецію... Толпа вскрикнула, какъ одинъ человекъ... Лулу пролетѣла по воздуху и повисла ногами въ сильныхъ рукахъ Лоло, все еще державшейся за палку трапеціи колынами и свѣсившей внизъ своей черной головой... Еще мгновеніе, и обѣ сестры—одна, сіяя отъ успѣха, другая—блѣдная, почти бѣлая, съ расстрепавшимися черными волосами, сѣдѣли уже на трапеціи и раскланывались съ неистовавшей отъ жестокаго восторга публики, крики и аплодисменты которой заглушали даже три раза повторенный оркестромъ тушь.

Гимнастки спустились по канату на арену, раскланываясь съ несомкнвшею публикой и торопливо пошли къ занавѣсу между двумя рядами дружно рукоплескавшихъ военныхъ и штатскихъ заневодагавъ. Когда онѣ показались опять на аренѣ, чтобъ еще разъ раскланываться съ продолжавшей неистовствовать публикой, лакей подалъ

блондинкѣ Лулу роскошный букетъ изъ китайскихъ розъ, посреди котораго блѣдыми фіалками было вырисовано двойное J Лулу сдѣлалась еще радостнѣе, еще сильнѣе порозовѣли ея розовыя смѣшанныя щеки, а по лицу Лоло пробѣжала какая-то тѣнь. Глаза Лулу встрѣтились съ жадно смотрящими на нее глазами изящнаго, красиваго, богато одѣтаго молодого человека, который стоялъ рядомъ съ блестящимъ драгунскимъ офицеромъ. И Лоло замѣтила его, и ея лицо сдѣлалось еще блѣднѣе, еще мрачнѣе.

На аренѣ дѣлались приготовленія къ слѣдующему номеру программы. Но интереснѣйшая часть программы, полетъ «дочери воздуха», была уже позади, и мѣста стали быстро пустѣть.

— Вы знакомы съ блондинкой?—спросилъ драгунскій офицеръ изящнаго молодого человека.

Тотъ улыбнулся.

— И да, и нѣтъ, мой милый графъ. Я въ теченіе цѣлыхъ шести недѣль слѣдилъ за нею въ парижскомъ ниподромѣ, двѣ недѣли восхищался ею въ Москвѣ у Соломонскаго, теперь пріѣхалъ за нею сюда... Иногда она даритъ мнѣ свой взглядъ, и только...

Драгунъ слегка погребѣлъ саблей и цинично улыбнулся.

— Ну, эти сказки, дорогой мой, расказывайте кому нибудь другому, но не мнѣ!

— Не сказки, графъ! Ее стережетъ брикетка, говорятъ—ея сестра... Она ни на шагъ не отпуститъ ея отъ себя... Настоящій вахмистръ! Вы, конечно, поворите мнѣ, что я не пробовалъ всѣ средства. И все напрасно.

— И вы на этомъ успокоились?

— Конечно, нѣтъ! Теперь это просто дѣло самолюбія. Поставлено на карту мое репома. Къ тому же, я положительно влюбленъ въ эту...

Онъ взялъ графа подъ руку и отвелъ его

немного въ сторону. Мимо нихъ прогалопировала на бѣлой лошади миссъ Зефора и, вызывая улыбаюсь, вышла на арену.

Баронъ Гербертъ фонъ Карстенъ лежалъ на широкомъ диванѣ въ своемъ увѣшанномъ турецкими коврами кабинетѣ, курилъ папиросу и смотрѣлъ сонными, полузакрытыми глазами черезъ легкія, сивеватыя облачка дыма на потолокъ. По его красивому, но уже сильно поношенному, помитому лицу видно было, что онъ шумно провѣлъ ночь.

Портьера слегка приподнялась, и изъ-за нея выглянула благообразная, аккуратно причесанная голова лакея.

— Господишь баронъ...

— Ну, что тамъ такое?—спросилъ баронъ, не мѣняя положенія.

— Какая то дама желаетъ видѣть г. барона...

— Ну, введи ее сюда.

Лакей робко улыбнулся.

— Простите, г. баронъ, но... гм... но, мнѣ кажется, что это...

— Ну, что тамъ тебѣ еще кажется?—и баронъ повернулся къ лакею лицомъ.—Настоящая дама?

— Именно г. баронъ.

— Старая?

— Кажется, нѣтъ.

— Волчанъ!

Онъ всталъ съ дивана, подошелъ къ зеркалу и поправилъ галстухъ.

— Ты попросилъ эту даму въ гостиницу?

— Такъ точно, г. баронъ.

— Хорошо. Можешь идти... Да, кстати, вотъ еще что... Въ замочную скважницу на этотъ разъ можешь не смотрѣть. Ступай.

Когда баронъ Гербертъ вошелъ въ гостиницу, ему навстрѣчу съ одного изъ низкихъ

мягкихъ кресель поднялась закутанная въ густой вуаль женщина. Она была средняго роста, прекрасно сложена и очень скромно одѣта.

Баронъ сразу замѣтилъ все это и почти-точно поклонился ей.

— Съ кѣмъ имѣю честь?..

Женщина приподняла вуаль. Баронъ даже вскрикнулъ отъ изумленія. До того неожиданно было это посѣщеніе.

— Вы... мадемуазель... Пожалуйста, садитесь.

Онъ сѣлъ противъ нея, играя кистями мягкаго кресла.

— Чему обязанъ я честию видѣть васъ у себя...

Она глубоко вздохнула.

— У меня къ вамъ большая просьба, баронъ.

— О, хорошенькія женщины должны не просить, а приказывать.

Она какъ будто не слышала этой пошло-любезной фразы.

— Просьба, отъ которой зависитъ вся жизнь и все счастье е двухъ существъ.

Баронъ сдѣлалъ удивленное лицо.

— Такъ трагично? Въ чѣмъ же дѣло? Это любопытно.

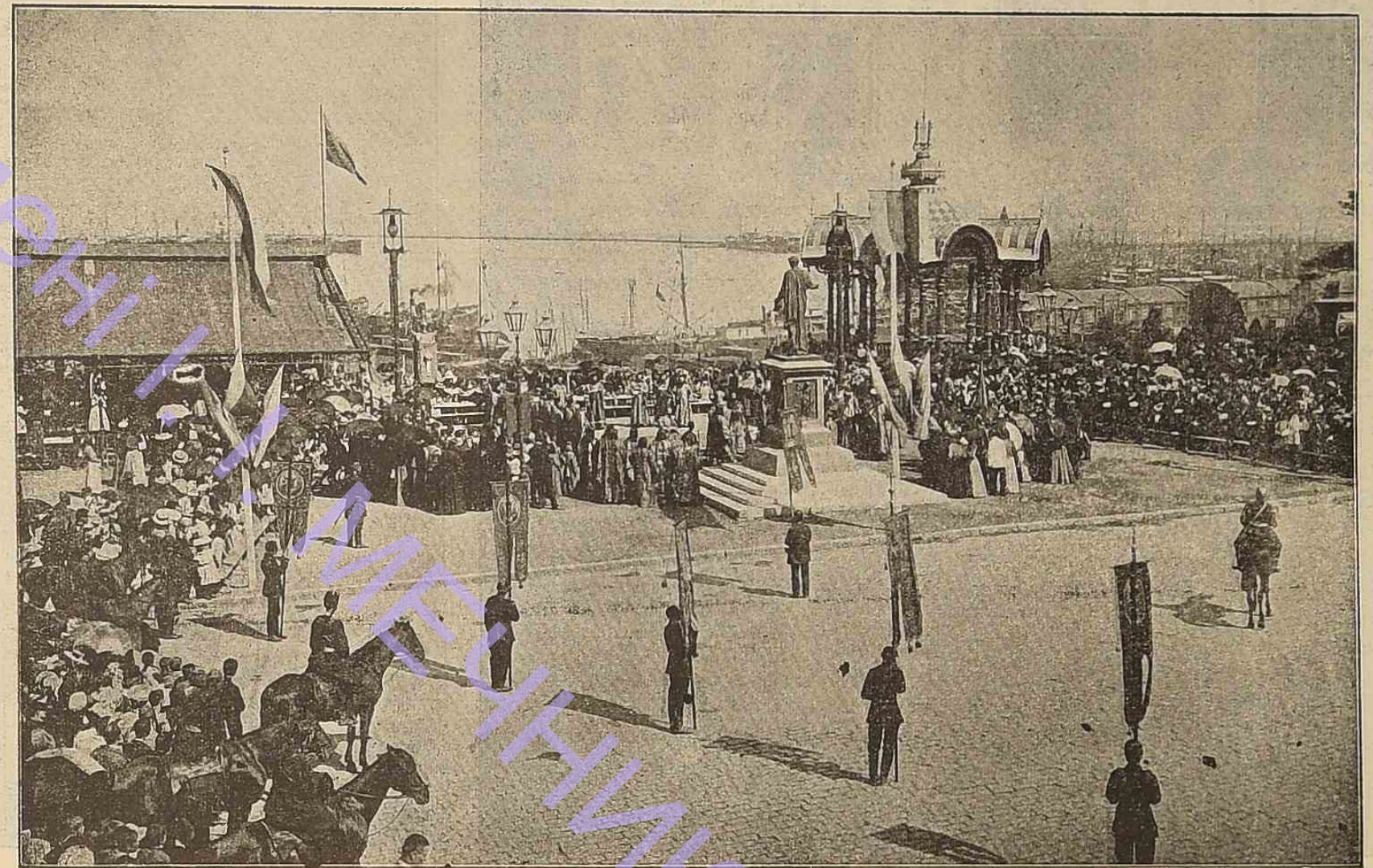
— Вы обращаете слишкомъ много вниманія на мою сестру. Умоляю васъ, оставьте ее.

Баронъ проницательно улыбнулся.

— Но, моя милая барышня, я васъ не совсемъ хорошо понимаю. Какимъ же образомъ можете отъ этого моего вниманія зависть жизнь и счастье двухъ существъ?

Ея глаза сверкнули; она была сильно взволнована.

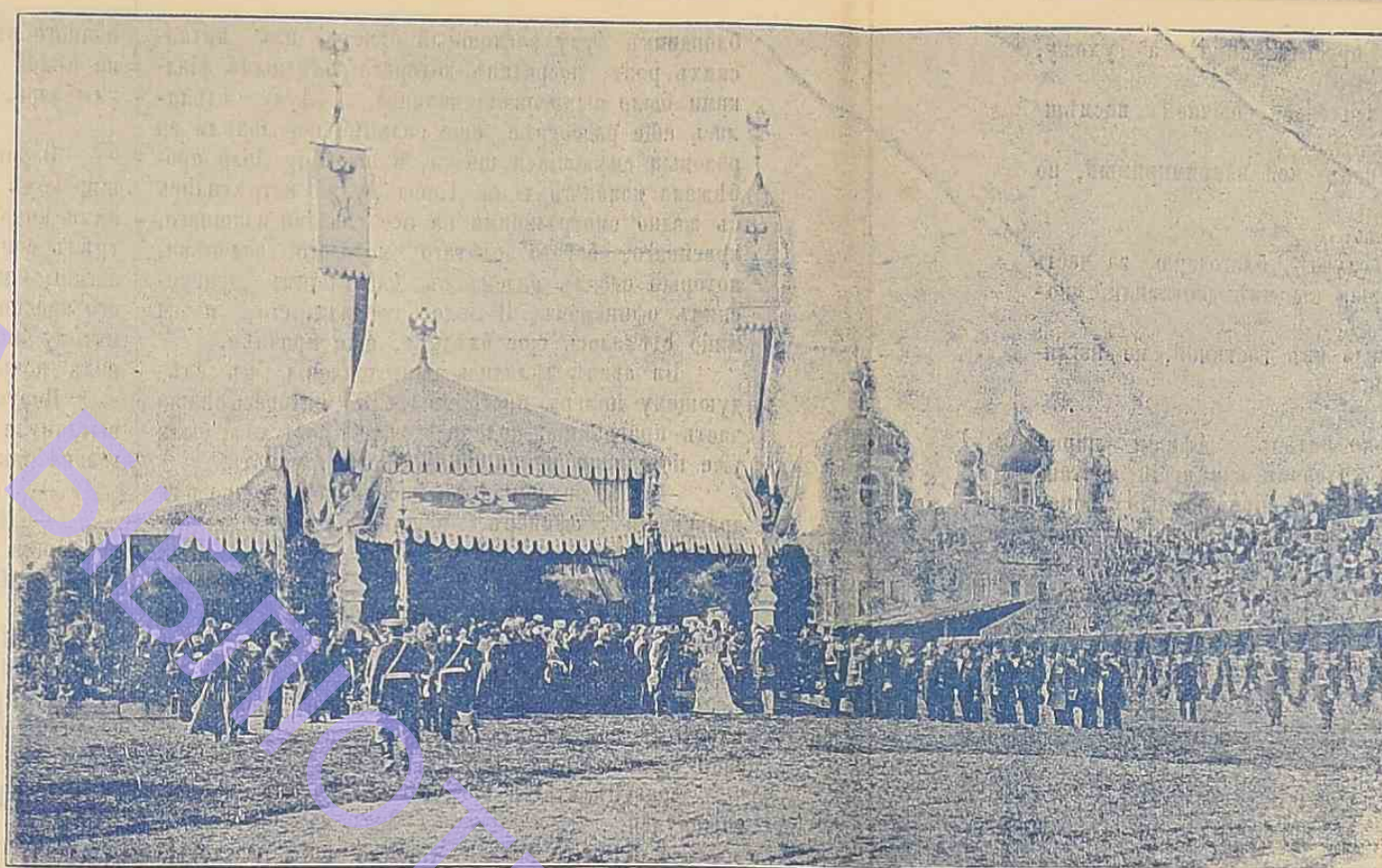
— Я вамъ скажу! Моя сестра молода, она еще почти ребенокъ. Она такъ чиста въ чувствахъ своихъ и мысляхъ, какъ рѣдко бываетъ

Крестный ходъ въ годовщину основанія Одессы.—Молодежь на Николаевскомъ бульварѣ у памятника Ришелье.

Московскія торжества.—Ихъ Величества слѣдуютъ къ памятнику Царю-Освободителю.

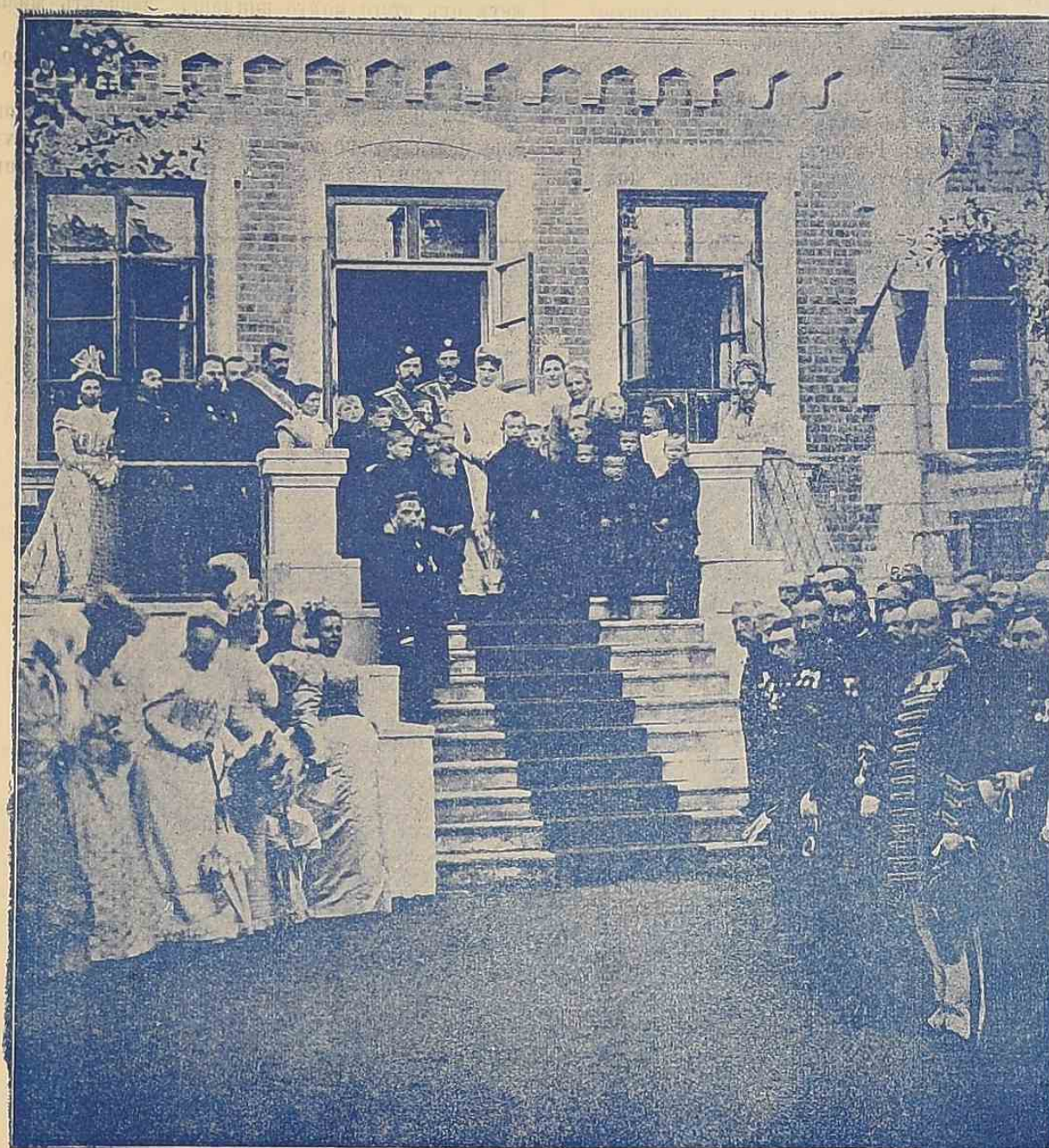
Московскія торжества.—Закладъ музея изящныхъ искусствъ въ присутствіи Ихъ Величествъ.

Генераль-отъ-инфантеріи Николай Ивановичъ Бобриковъ, новый финляндскій генераль-губернаторъ.

Генераль-лейтенантъ Николай Николаевичъ Сухотинъ, бывшій начальникъ Николаевской академіи генеральнаго штаба.

Московскія торжества.—Ихъ Величества въ пріютѣ Имени Ихъ Величествъ.

Московскія торжества.—Парадъ войскъ, въ Высочайшемъ присутствіи, передъ памятникомъ Императору Александру II.

Левъ Николаевичъ Толстой. (По поводу 70-лѣтія со дня рожденія). Автогипія „Одес. Нов.“.

дѣвушка въ ея возрастѣ. Наша мать, умирая, поручила ея мнѣ и взяла съ меня клятву, что я буду беречь ее, что спасу ее отъ тѣхъ лонущекъ, которыми вы небъ—и она горько улыбулась—считаете необходимымъ въ изобилии покрывать тяжелый путь цирковой артистки. Она замолчала.

Баронъ продолжалъ улыбаться и медленно вертѣлъ на своей бѣлой узкой рукѣ перстень съ большимъ брилліантомъ.

— Ну, и что-же дальше?

Та, которую въ циркѣ звали подь именемъ Лоло, поднесла платокъ къ губамъ.

— Тутъ явился вы Куда бы ни забрасывало насъ наше занятіе, вы, точно тѣнь, повсюду слѣдили за нами. И первое, что мы встрѣчали на каждомъ новомъ мѣстѣ въ каждомъ новомъ циркѣ,— это ваше лицо. И каждый разъ намъ подавали букетъ изъ китайскихъ

на игрушку, которые съ легкимъ сердцемъ готовы растоптать честь артистки изъ цирка, потому что они не признаютъ въ ней этой чести... Заклинаю васъ, оставьте насъ, не преслѣдуйте насъ!

Лицо барона было серьезно.

— Вамъ больше ничего сказать мнѣ?..

Въ такомъ случаѣ, послушайте меня.

— Видите ли, въ наше время у каждого человека есть свое призваніе. Если оно и у меня: я служу красотѣ. Для меня красота—настоящій культъ. И гдѣ бы я ни встрѣтился—на вершинѣ ли общества, или въ самомъ низу,—я преклонюсь передъ нею. Преклонюсь по своему, какъ умѣю. Если бы женщина была вычеркнута изъ моей жизни, я бы давно уже пустилъ себя пулю въ лобъ. Говорю вамъ совершенно откровенно: я люблю вашу сестру и вполнѣ надѣюсь—видите, я очень откровененъ—что и

послѣ паузы,—какъ просительница, а ухажу, какъ....

Баронъ улыбнулся своей обычной насмѣшливой улыбкой.

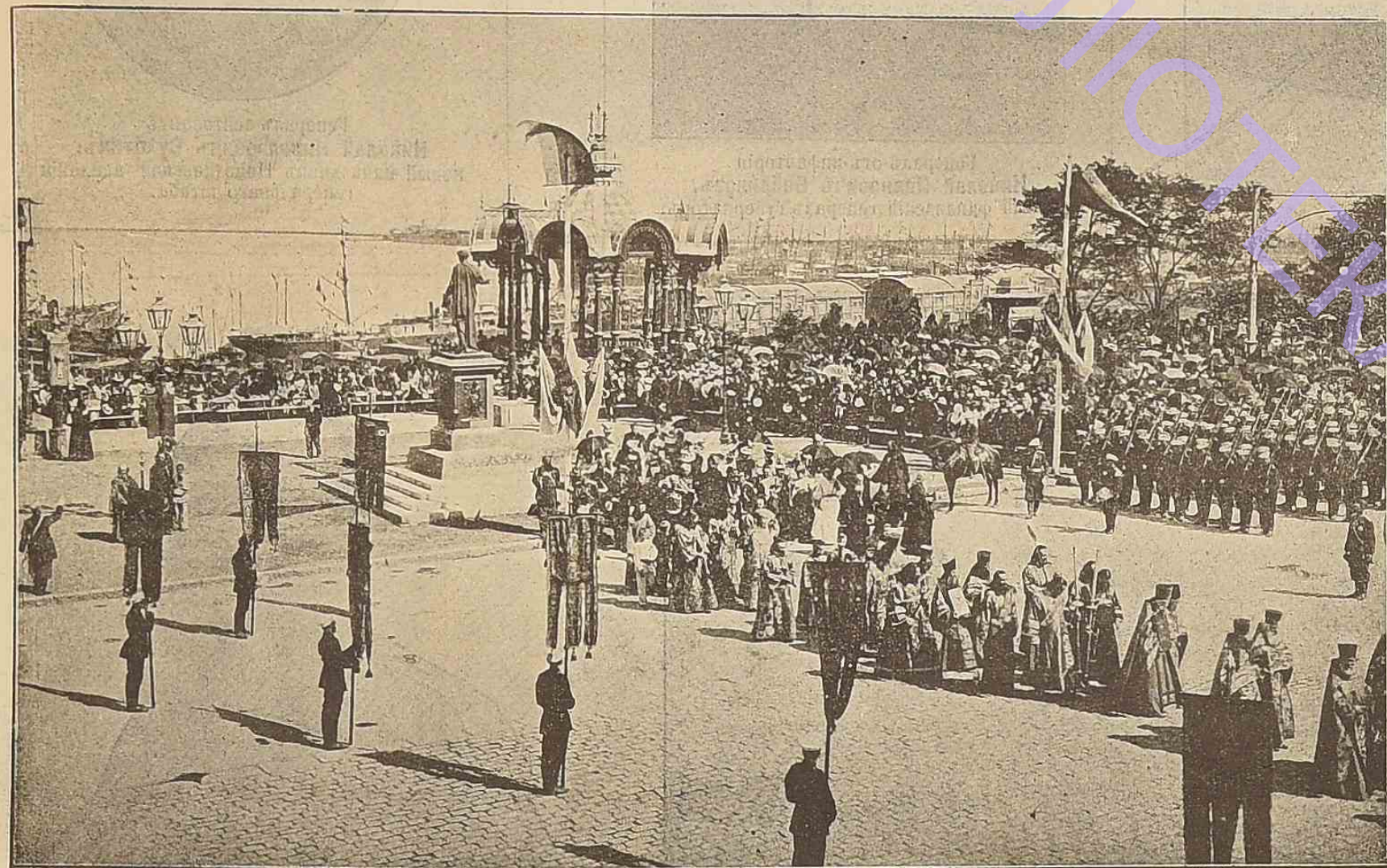
— А уходите, какъ мой непримиримый, но прекрасный врагъ!

И онъ захохоталъ.

— Во всякомъ случаѣ, благодарю за честь и удовольствие, которыя вы мнѣ доставили своимъ посѣщеніемъ.

Она быстро вышла изъ гостиной, не взглянувъ больше на барона.

Прошло нѣсколько недѣль. Афиши цирка гигантскими черными литерами извѣщали почтенную публику, что сегодня—прощальный бенефисъ Лоло и Лулу, знаменитыхъ «дочерей воздуха». Въ первый разъ—прыжокъ смерти, plus ultra воздушной гимнастики,—исполнить

Крестный ходъ въ годовщину основанія Одессы.—Шествіе съ Николаевского бульвара къ кафедральному собору.

Съ фотограф. стипковъ г. Наске.

«Автоматикъ», «Одес. Нов.».

розъ, и каждый разъ въ немъ находилась записка... — Предназначавшаяся для вашей обворожительной сестры.

Краска залила ея блѣдное лицо.

— Знаю, но должна сказать вамъ, что ни разу еще глаза ея не видѣли этихъ записокъ. — Въ такомъ случаѣ, въ чемъ же дѣло? Изъ-за чего вы возмущаетесь?

— Изъ-за чего? Господи, да развѣ и безъ этихъ записокъ трудно зажечь воображеніе ребенка! Повсюду вы, и всегда вы, и всегда тѣ же цвѣты и тѣ же взгляды... О баронѣ, я взываю къ вашей чести! У меня нѣтъ никого на землѣ, кромѣ этой сестры. Ея честь—моя честь. Она не знаетъ, что кроется за вашими ухаживаніями, она не знаетъ, что есть мужчины, которые смотрятъ на нее и на подобныхъ ей только, какъ

она полюбить меня, не смотря на все ваши старанія. Гдѣ же тутъ несчастье?

— Это позоръ!—воскликнула она, возмущенная.

Баронъ пожалъ хладнокровно плечами.

— Могу вамъ сказать только еще вотъ что. Я полюбилъ бы вашу сестру и безъ того шикарнаго ореола, которымъ окружаетъ ее обстановка цирка, даже еслибъ я встрѣтилъ ее съ простенькими колечками Гретхенъ и съ музыкальной папкой въ рукахъ, въ скромномъ, монотонномъ домѣ какого-нибудь добродѣтельнаго чиновника. Я люблю ее и потому буду добиваться своего... — Баронъ, вы...

Голосъ ея оборвался. Грудь часто-часто подымалась. Глаза загорались ненавистью и презрѣніемъ.

— Я пришла къ вамъ,—прибавила она

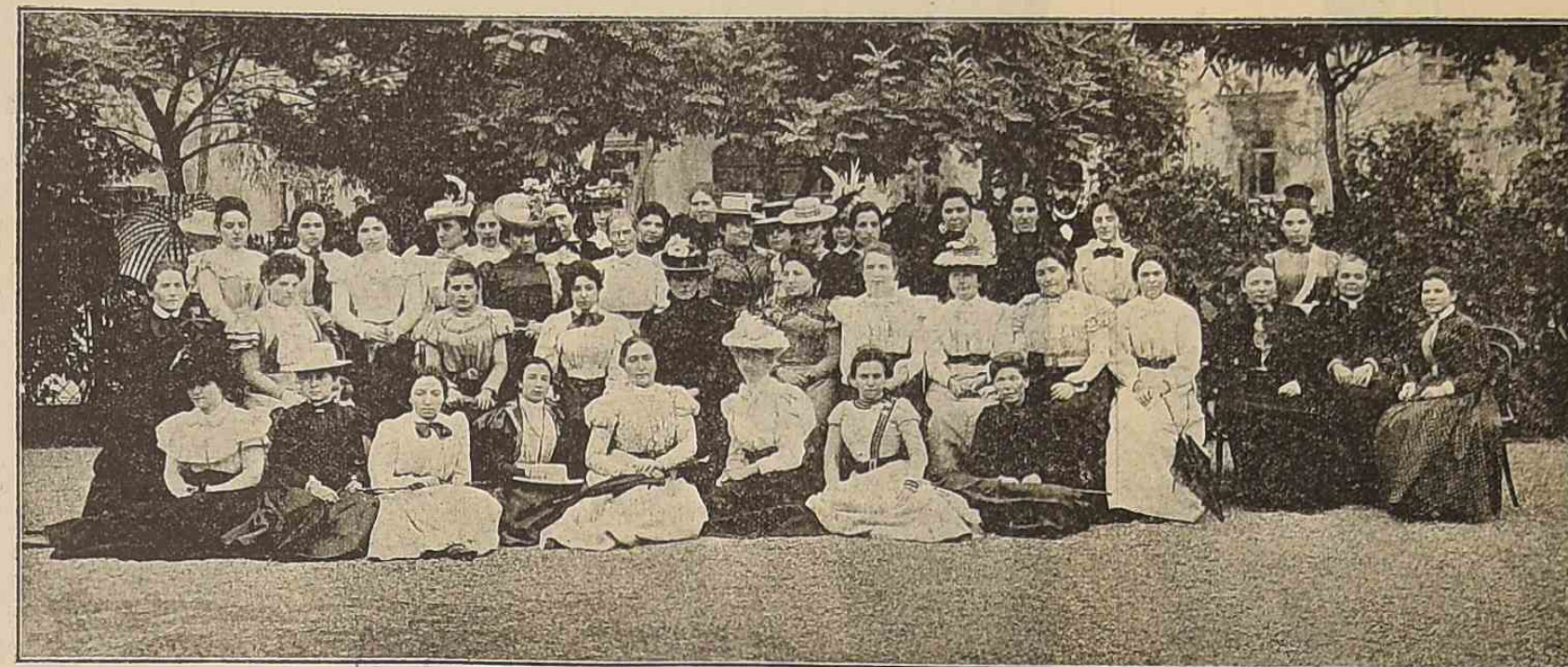
Лоло». И по обѣимъ сторонамъ анюса по нѣсколько жирныхъ восклицательныхъ знаковъ.

Циркъ опять былъ совершенно полонъ, такъ же полонъ, какъ въ тотъ разъ, когда Лоло и Лулу впервые выступили передъ здѣшней публикой.

Ложи были заняты нарядно, богато публикой. И все habitees были на лицо и толпились въ проходѣ между ареной и конюшнями. Не хватало только одного барона Герберта фонъ-Карстена.

Первое отдѣленіе кончилось. Прошли и пятнадцать минутъ антракта. Сѣтка была уже натянута; публика сидѣла уже по мѣстамъ. Все ждало звонка. Но звонокъ не раздавался.

Капельмейстеръ взялъ свою палочку, и оркестръ заигралъ. Но это былъ не вальсъ, подь которой Лоло и Лулу всегда исполняли свой номеръ, а какой-то шумный, бравурный маршъ.

Одесса.—Конференція по профессиональному труду.—Участницы конференціи учительницы профессиональныхъ школъ.

Кончился и маршъ. Опять прошло нѣсколько секундъ нетерпѣливаго ожиданія. Штабмейстеры стояли въ два ряда на своихъ мѣстахъ и недоумѣвающе пожимали плечами, когда кто-нибудь изъ habitees обращался къ нимъ съ вопросомъ.

Наконецъ, прозвѣлъ гъ и звонокъ. И почти въ тотъ-же моментъ на арену вышелъ самъ директоръ цирка, встрѣченный прощескими возгласами публики. Только сидѣвшіе и стоявшіе совѣтъ близко къ нему могли разобрать слова сильно взволновавшаго и возбужденнаго директора о томъ, что «мадемуазель Лулу внезапно заболѣла и не можетъ принять участія въ представленіи. Но мадемуазель Лоло...» Публика замумѣла, зааплодировала и совѣтъ заглушила послѣднія слова.

Оркестръ заигралъ обычный вальсъ. Директоръ, лицо котораго теперь сіяло, кивель на арену Лоло, и публика опять зааплодировала еще дружнее, еще громче, приветствуя свою любимицу. Но Лоло не обращала на эти приветствія никакого вниманія, не отвѣчала на нихъ поклонами. Она, должно быть, положила на лицо слишкомъ много румянъ, въ ея темныхъ глазахъ сверкали какіе то зловѣщіе огоньки. Все ея движенія, всегда такія увѣренныя и спокойныя, были какія то особенныя, взволнованныя, торопливныя.

И ея упражненія на трапеціи, обыкновенно смѣлыя, граціозныя, были сегодня полны какого-то перваго безразочарованія. Сегодня она какъ будто не была полною хозяйкой своихъ мускуловъ, мысли ея были какъ будто далеко отсюда. И волненіе артистки сообщало ось все болѣе и болѣе толпѣ зрителей; ихъ охватывала страхъ, и часто, при какомъ-нибудь слишкомъ отчаянномъ движеніи артистки, висѣвшей высоко надъ ареной, въ куполѣ цирка, вырвался изъ нихъ невольный крикъ. Но пока шло все благополучно.

Музыка умолкла. Наступила угнетающая тишина. Только слышно было, какъ слегка шипѣли тазовые рожи.

Лоло стояла на мосткахъ и завязывала себѣ платкомъ глаза. Дрожь пробѣжала по ея тѣлу. Тяжело подымалась и опускалась полная грудь.

Предстоялъ «прыжокъ смерти»! Вдали передъ нею, въ другомъ концѣ цирка, покачивалась пустая трапеція, къ которой она должна была полетѣть съ завязанными глазами.

Она схватила руками висѣвшую подь нею трапецію. Циркъ замеръ... Съ силою оттолкнулась она отъ мостковъ, пролетѣла два раза по цирку туда и назадъ и вылетѣла трапецію. Циркъ вздрогнулъ...

Страшный крикъ ужаса вырвался изъ тысячи грудей... Лоло не поймала трапеціи, съ невѣроятной быстротой полетѣла внизъ и, едва задѣвъ за край сѣтки, упала на песокъ арены, ударившись головою о край барьера...

Директоръ, штабмейстеры, офицеры въ проходѣ, мужчины, сидѣвшіе въ ложахъ и въ мѣстахъ надъ ложами,—все бросившись, обезумѣвъ

отъ ужаса, къ несчастной, перепрыгивая черезъ скамьи и барьера. Въ воздухѣ стояли отчаянные крики дамъ. Многія упали въ обморокъ, нѣкоторые истерично смѣялись.

Нѣсколько человекъ подняли Лоло и перенесли ее въ уборную.

Вскорѣ затѣмъ на аренѣ снова появился директоръ и, стараясь улыбаться, заявилъ публикѣ, что къ мадемуазель Лоло приглашены нѣсколько лучшихъ врачей; надо надѣяться, что жизнь ея выѣ опасности. Представленіе сейчасъ возобновится.

Но публика не желала представленія и стала расходиться, оживленно обсуждая причины несчастнаго случая.

Джорджъ Бойнтонъ,

американецъ, совершающій путешествіе кругомъ свѣта въ костюмѣ изъ бумаги (т. е. безъ прона денегъ). Если онъ за о чить успѣшно свое путешествіе, то друзья его вносятъ 10.000 ф. ст. на дѣла благотворительности въ Санъ-Франциско. Онъ пустился въ путь 13-го августа 1897 г. и рассчитываетъ 13-го августа 1902 г. прибыть въ Вашингтонъ и обѣдать у президента въ этотъ день.

Современные атлеты.

Въ берлинскомъ циркѣ въ настоящее время подымается трю-Милонъ, извѣстные атлеты, пользующіеся тамъ громадныхъ успѣхомъ. Они обыкновенно продѣлываютъ слѣдующую операцію. Двое изъ нихъ становятся съ двухъ сторонъ арены и держатъ въ зубахъ натяннутую проволоку, на которой третій производитъ разнообразныя атлетическія упражненія съ гириями въ рукахъ.

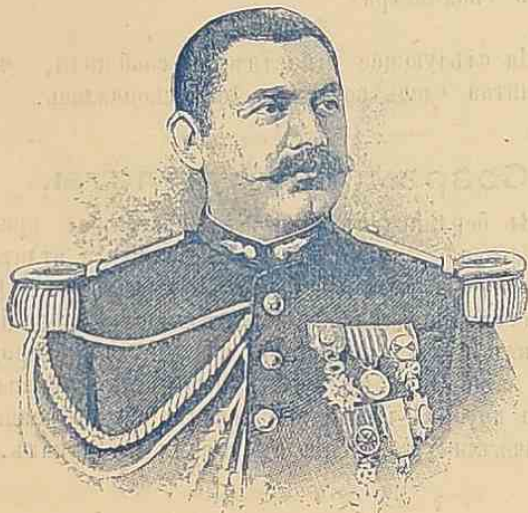

Голландская королева Вильгельмина
въ національномъ костюмѣ.

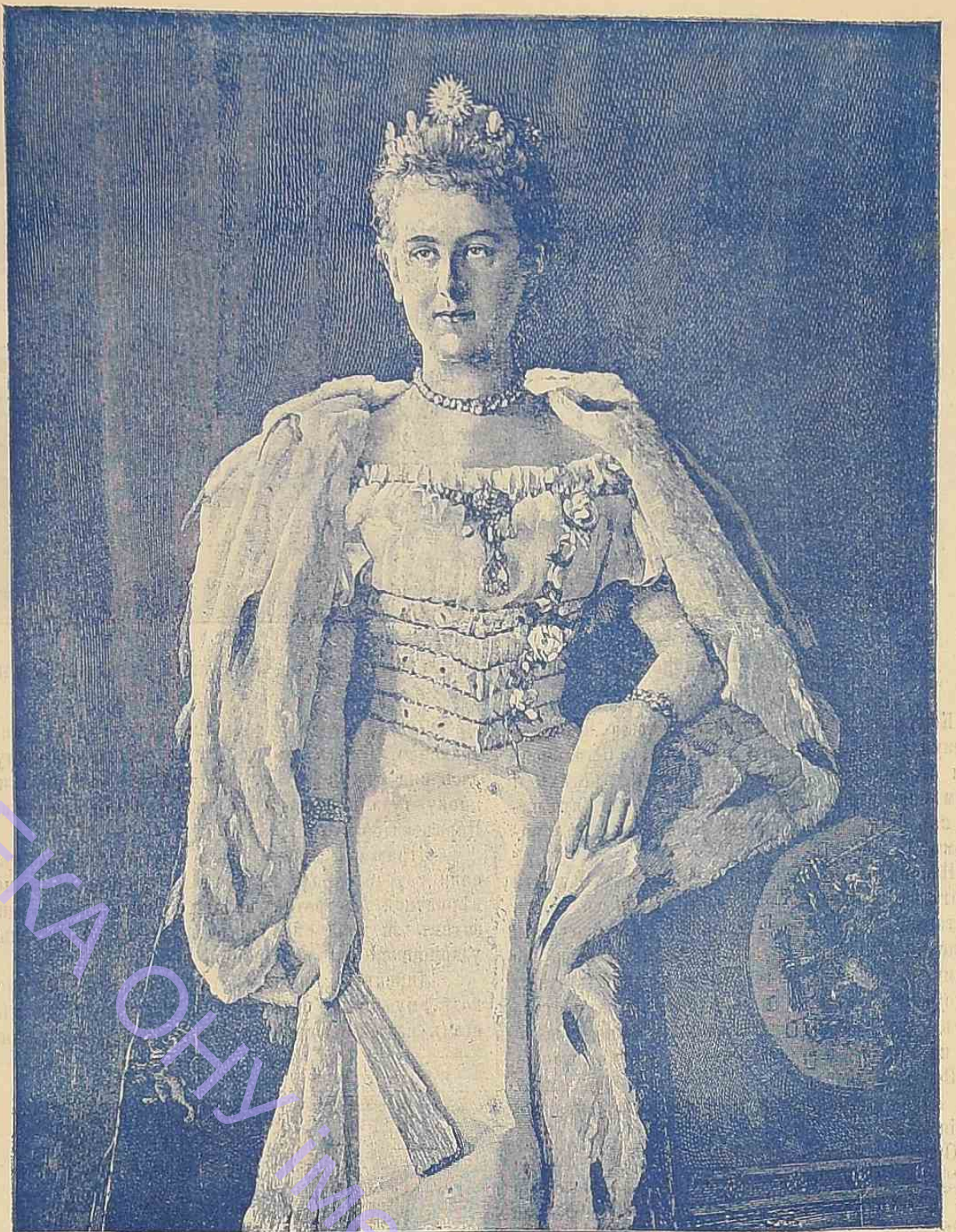

Катарина Туссенбрекъ,
первая женщина-профессоръ акушерства.

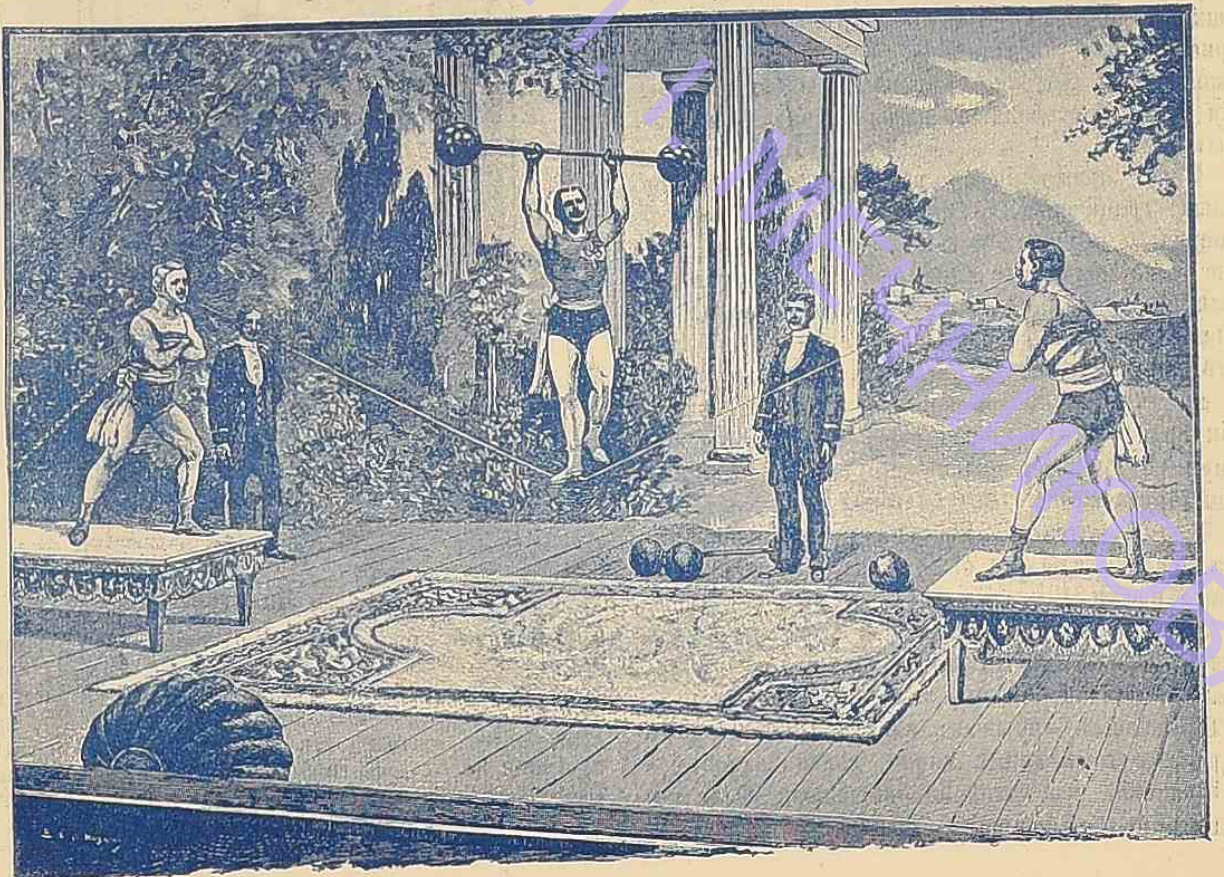
Въ utrechtскомъ университетѣ въ Голландіи катедру акушерства впервые занимаетъ теперь женщина-врачъ Катарина Туссенбрекъ. Родившись въ 1852 г., Туссенбрекъ 35 лѣтъ кочила медицинскій факультетъ и въ теченіе десяти лѣтъ занималась медицинскою практикою въ Амстердамѣ. Ея работа по гинекологіи обратила на себя вниманіе ученаго міра, и въ текущемъ году ей предложена была освободившаяся катедра акушерства при utrechtскомъ университетѣ.

Полковникъ Анри.

Голландская королева Вильгельмина.

Тріо Милонъ, извѣстные атлеты.